Проданная в рабство

Автор:
Амани Уисааль

Проданная в рабство

Амани Уисааль

Документ (Рипол)

Об авторе этой книги известно немного – она жена арабского шейха и живет в Эмиратах, носит хиджаб и при этом купается в роскоши. Славянская внешность выдает ее корни, о которых героиня не очень любит вспоминать. Она родилась в российской провинции в бедной семье. В шестилетнем возрасте она была продана родителями за границу.

Долгое время она воспитывалась в «доме невест», куда привозили самых красивых девочек, которых обучали и готовили в жены шейхам. Она пережила плен у бедуинов, который длился сто двадцать один день, во время которого ее тело было изуродовано и обезображено, пережила похищение, потерю ребенка и многое другое, что обычному человеку не приснится даже в кошмарном сне.

Свои воспоминания она оформила в книгу. Получилась весьма откровенная, местами провокационная и шокирующая история женщины, которая преодолела тысячи преград на пути к истинному счастью.

Сила, мужество, благородство, великодушие и умение прощать – главные достоинства рассказчицы, которая когда-то была рабыней и наложницей, а потом стала возлюбленной женой одного из самых богатых людей в мире.

Можно ли простить близких за предательство? Как принять свою судьбу и найти свой путь на этой земле? И как быть счастливой, несмотря ни на что? Своими мыслями и опытом делится таинственная и загадочная рассказчица, под псевдонимом которой нетрудно узнать одну из самых щедрых благотворительниц своей страны.

Амани Уисааль

Проданная в рабство

Глава 1

Иванов гарем

Нас родилось сразу трое в один день. Девочки с одинаковыми лицами – тройняшки. Говорят, отец до последнего не верил в то, что в животе его супруги поселилось сразу несколько людей. А известие о том, что эта группа исключительного женского пола было еще большим ударом и в результате он пил неделю. После того как мы с сестрами появились на свет, его сопровождали шутки приятелей:

– Гарем себе настругал, Ваня!

Нас так и дразнили «Иванов гарем». Роды были тяжелыми и матери перевязали трубы, так что о других отпрысках помышлять она не могла. Она часто об этом говорила, а я с ужасом рассматривала ее тело, пытаясь понять, как в него вместились ржавые как в нашей ванной трубы. Уточнять я не решалась, чтобы не разочароваться, потому что боялась услышать что-то жуткое.

– Зачем тебе наследник? – смеялась мама, когда отец начинал ее упрекать за отсутствие в потомстве сыновей. – Что ты ему оставишь? Коробку с ржавыми инструментами?

– Продление рода…

– Нищеты и без тебя пруд-пруди! Девчонок хоть пристроить можно замуж, смогут пожить по-человечески!

Я часто слышала их разглагольствования на тему нашего будущего. И мне было непонятно значение словосочетания «пристроить замуж». Мы жили бедно. Маленькая квартирка на первом этаже хлипкого барака. Комнаты было две – родительская и детская, даже была отдельная кухня. Радовало, что внутри нашего жилого помещения был унитаз, потому что в соседних домах люди гадили в ведра, а после сливали все в яму, находящуюся неподалеку от древних построек. Летом из выгребной ямы воняло так, что невозможно было выходить на улицу. В нашем городке был большой парк с детской площадкой и аттракционами, но находился он далековато, добираться до него приходилось на автобусе. Мама экономила и не часто тратилась на такие «глупости», как развлечения для трех непосед. Мы были в этом парке всего пару раз на какие-то праздники, в то время, когда карусели становились бесплатными. Там было очень весело и приветливо: много смеющихся людей и разноцветных шаров, взмывающих в небо. Именно тогда я попробовала на вкус белое пушистое облако – сахарную вату.

Не знаю, кто из родителей стал инициатором того, чтобы одну из нас продать… Кощунственно, правда? Я долгое время не могла найти оправдания этому ужасному поступку. Я ненавидела мать долгое время и проклинала, но только теперь я понимаю, что на самом деле она подарила мне иную жизнь – ту, о которой на родине я и мечтать не могла. Моя история – одна из тысячи тысяч… и не знаю, почему я так хочу о ней рассказать!

– Зачем ты вернулась? – растеряно спросила моя сестра. Я не могла пока привыкнуть, что есть еще люди с точно таким же лицом, как у меня. Она выглядела изнуренно, будто каждый день разгружала что-то тяжелое. Лицо моей ровесницы было измято временем, будто она была старше на десяток лет.

– Не надо так на меня глазеть! Я чувствую себя злобной ведьмой, которая смотрится в лживое зеркало! – произнесла сестра недовольно.

– Не понимаю, – выдохнула я, округлив глаза, и растеряно пожав плечами.

– Ты – словно мое отражение в зеркале! И оно выглядит гораздо лучше, чем я!

– Ты хочешь сказать: я выгляжу лучше?

– Да, да! Не заставляй меня делать комплименты! – нервно произнесла она, встрепенувшись.

Мать наша была женщиной романтичной и часто придавалась фантазиям. Она обожала исторические романы и сериалы. Мы трое получили весьма экзотические имена в честь ее любимых персонажей: Маргарита, Жозефина и Скарлетт. Марго была названа в честь героини Александра Дюма и с легкой руки родительницы была с детства королевой, она считалась самой старшей дочкой (родилась раньше нас на пару-тройку минут) и в связи с этим чувствовала на себе тяжесть ответственности. Если родители уходили, то непременно ее оставляли главной в доме.

– Ты нас не старше! – задиристо произносила Жозефина, а после затеивала драку. Я предпочитала отмалчиваться, понимая, что спорить бесполезно. Помню, что наша Марга (как мы ее называли), мечтала стать балериной, но этому не суждено было осуществиться, потому что у нее был небольшой дефект – одна конечность чуть короче другой. Она ходила в танцевальный кружок в Дом культуры и старательно занималась, однако на концертах стояла в последней линии. Это ее обозлило и в знак протеста наша «королева» стала самой мудрой и справедливой представительницей нашей семьи. Она бесконечно поучала, и на все у нее было свое мнение. Такой я ее запомнила. Мы расстались, когда мне было шесть лет. Спустя двадцать лет она держалась также «по-королевски», но это выглядело весьма жалко: Марга была достойна трона из мусора и жестяной короны. С трудом подавив улыбку, я ответила на ее вопрос:

– Зачем я вернулась? Разве это не очевидно? Я хотела увидеть семью!

Мы сидели в маленькой кафешке, где пахло пережаренной едой и грязью. Я не привыкла к подобным «ароматам», вонь преследовала меня с того момента, как моя нога ступила на русскую землю. Я вдохнула воздух родины полной грудью и чуть не свалилась с трапа от приступа удушья, в моих глазах плясали сумасшедшие звездочки, и все время кружилась голова.

– Зря ты приехала, Скарлетт!

Я содрогнулась, потому что именем героини любимого маминого фильма «Унесенные ветром» меня давно никто не называл. Дети меня дразнили «Скарлатиной», и я очень переживала по этому поводу. Незнакомым людям я

представлялась Аней.

– Теперь меня зовут по-другому, сестра, – произнесла я мягко. – Называй меня Айсу.

– Айсу? Что это за имя такое? – с усмешкой произнесла она.

– Оно означает «лунная вода», – спокойно отозвалась я, подавляя волну ярости.

– Лунная вода… Как глупо! Чем тебе твое имя не угодило?

Меня раздражало ее пренебрежение. Я представляла нашу встречу, как в лучших слезливых сериалах, которые так восхищали когда-то нашу маму: с объятиями, причитаниями и воссоединением семьи. Но все пошло не так с момента нашей встречи возле входа в никчемную забегаловку – между нами была непреодолимая стена, которую воздвигла моя родная сестра.

– Понимаешь, – начала она оправдываться, – не могу себе представить, как нам общаться. Проблема в том, что я не воспринимаю тебя, как родного человека… Несмотря на то, что лица наши похожи – мы разные. И этого не изменить.

– Мы родились в один день, – произнесла я еле слышно. – Все эти годы я хотела встретиться с вами – с моей семьей. Мечтала и молилась!

– Хотела, мечтала, молилась! – немного зло выплюнула Маргарита, обратив внимание, с каким любопытством наблюдает за нами мужчина, сидящий за соседним столиком. – Как говорила наша мама: не та степень хотения.

Разговор не складывался. Я рассматривала старую скатерть темно-зеленого цвета местами прожженную и мысленно призывала свой организм к терпению, мне было необходимо дождаться Жозефину, которая являлась неотъемлемой частью нашей троицы. Она получила свое имя в честь первой супруги Наполеона. С детства обожала быть в центре внимания и грезила об актерской карьере. Эту смешливую и улыбчивую девчушку обожали все, в ней была особенная магия, благодаря которой она располагала к себе собеседника с первых секунд общения.

– Жози не придет, – ледяной тон моей собеседницы остудил теплые воспоминания, которые вмиг рассыпались на мелкие части, словно прозрачные кристаллы воды.

– Она отказалась меня увидеть? – спросила я, почему-то волнуясь.

– Я ей не звонила. Мы не ладим.

– Это плохо…

– Я не спрашивала твоего мнения!

Я видела, как пульсирует жилка на ее виске. Это означало, что назревает буря и непременно разразится скандал. Так было в детстве: рассудительной королеве Марго ярость покрывала пеленой глаза и она искала жертву, чтобы избавиться от яда своей ненависти, отравив им организм жертвы. Она жалила раз за разом, пока не чувствовала, что ее оппонент слабеет, а после безоговорочной победы расцветала от улыбки и вела себя, как ни в чем не бывало, наслаждаясь своим превосходством. В схватках с бескомпромиссной Маргаритой страдали все – таков был ее характер. «Это хорошее качество! Девочка не даст себя в обиду, когда вырастет!» – говорила наша мама, утирая слезы. Ее романтичная натура тоже страдала в этих мимолетных сражениях. Посреди занюханной забегаловки была атмосфера ринга, на котором замерли две соперницы с почти одинаковым лицом.

– Ты представляла, что вернешься сюда спустя двадцать лет, и мы тебе расстелем красную дорожку и закажем оркестр?! – процедила сквозь зубы Марга. В ее глазах сверкали искры ненависти, словно перед ней был злейший враг, а не родная сестра, которую она видела последний раз пару десятков лет назад. Она медленно встала с неудобного стула, перевидавшего множество пятых точек, и громко произнесла на все кафе, будто находилась не в закусочной, а на огромной площади (кажется, в старину таких людей называли глашатаи):

– Вернулась наша восточная принцесса! Покинула свой золотой дворец и снизошла до нас, чтобы полюбоваться нашим никчемным существованием!

Мои щеки вспыхнули алым цветом. Я опустила глаза и ждала, пока она заткнется. Ее глотка извергала витиеватые тексты, в которых было столько желчи, что я с трудом боролась с желанием запихать ей в глотку пачку салфеток.

– Зачем ты это делаешь? – я прервала оскорбительное выступление Маргариты. В течение пары минут она сотрясала воздух, выставляя меня на посмешище перед посетителями забегаловки.

– Делаю что? – с вызовом произнесла сестра.

– Унижаешься, – мой голос звучал вполне уверенно и мягко. Уроки моего господина не прошли даром, он любил цитировать Конфуция и часто заимствовал мудрые строки древнекитайского мыслителя. Одну фразу он повторял чаще всего: «Благородный муж в душе безмятежен. Низкий человек всегда озабочен». Я, конечно, не была безмятежна в тот момент, но мне удалось сдержать гнев и не вступить в бой со своим потрепанным отражением, на который она меня так отчаянно провоцировала.

– Унижаюсь?! Я?., – удивленно произнесла Марга. Видимо такой поворот в разговоре «мудрая королева» не предвидела.

– Слушай, как там тебя… Лунная вода… – брезгливо выдавила она, захлебываясь бешенством. Я даже заметила в уголках ее губ белую пену.

– Мое имя Айсу, – уточнила я, кивнув с улыбкой. Я ощущала, как мое спокойствие ошпаривает кончики ее нервов.

– Катись обратно в свои Эмираты! И продолжай радоваться спокойной жизни. Тебе, в отличие от меня, не надо думать ни о чем! А мы тут в России выживаем! – задыхаясь возмущением, произнесла Марга. Вечер явно шел не по ее сценарию.

– Я понимаю, что ты больше не хочешь меня видеть… и я не хочу быть твоим раздражителем. Оставь мне адрес или телефон Жозефины. Я обещаю, что после этого не потревожу тебя никогда! – слова эти дались мне непросто. Я сглотнула ком в горле и терпеливо выжидала, пока Марга придет в чувства. Я боялась разрыдаться от обиды и снова вспомнила слова моего господина, который, перед тем как отпустить меня на родину, произнес:

– Ведь у твоих соотечественников принято говорить: никогда не возвращайся туда, где был счастлив. Зачем тебе ехать в Россию?

– Чтобы отрезать пуповину! – выдохнула я, немного лукавя. На самом деле в моей душе была надежда вновь обрести семью и больше не видеть стен моей благоустроенной «тюрьмы». В этом я никогда бы не призналась моему господину, потому что опасалась, что он передумает отпускать меня.

Глава 2

Что посеешь, то и пожнешь

Прежде чем соответствовать идеальному образу восточной женщины я долго шла по пути совершенствования, на котором сама же и воздвигала преграды благодаря моему непокладистому характеру. Мудрость приходит с опытом. Отказаться от благ во имя собственных принципов – дело благородное, но бессмысленное. Я вовремя поняла: успешное сотрудничество дает хороший результат и важно извлекать максимальную пользу из сложившейся ситуации, не предавая при этом свои убеждения. Недаром люди придумали слово «дипломатия».

– Ты – строптивая кобылка! Чувствую, я намучаюсь с тобой, – произнесла женщина с излишней волосатостью над верхней губой. Звали ее Джамиля (я не уверена, что это настоящее имя), а родилась она в одной из стран, когда-то входящих в состав Советского Союза. О себе она говорить не любила. Все знали, что ее прошлое – жизнь в гареме, владелец которого умер. Вдовствующие восточные женщины, оставшиеся без попечительства своего господина – это настоящая трагедия. Часто их распродают, как домашнюю утварь. И мало кого ожидают приятные перспективы, скорее, это исключение.

Снова попасть в хорошее место могли лишь самые юные красавицы, остальные считались «залежалым товаром» – от них избавлялись, распределяя в бордели (если они к этому были еще пригодны), а старух гнали прочь в никуда. Говорят, что большая часть женщин, оставшихся без попечителя, гибла, умерщвляя себя. Я не удивлена! Лишенные самостоятельности особы, живущие в прочной

золотой клетке, оказывались беспомощны перед неказистой действительностью, они напоминали рыбу, выброшенную на берег и бьющуюся в предсмертных конвульсиях. О такой участи Джамиля призывала нас не мечтать, обещая в обмен на старания создать все условия для приличного существования. Бывшая жительница гарема видимо родилась под счастливой звездой, ей удалось выжить и перешагнуть черту бедности, организовав пусть и сомнительное, но доходное дело.

Задачей этой женщины было воспитание спутниц для состоятельных господ, она занималась подготовкой «кадров» в основном для Эмиратов, были случаи, когда невест сбывали и в Пакистан. Казалось, Джамиле все равно кто платит, но это было не так. Она водила знакомства с определенным кругом людей и несла ответственность за качество приобретений. Воспитанницы пересказывали историю о том, как вернули одну из девушек, которая вела себя недостойно и не уважала традиции страны. Среди учениц она была лучшая, но ее успехи были лишь видимостью, она преследовала главную цель: покинуть пустыню.

В современном арабском мире гаремов как таковых не осталось. По крайней мере, официально. Ходили слухи о подпольных империях, в которых содержали сотни и даже тысячи женщин и все они были привезены из разных точек мира. С некоторыми заключали контракты, по истечению которых они имели возможность вернуться на родину. Но кого-то удерживали и насильно, судьба таких женщин была не завидна.

Идеальной сделкой для Джамили являлось замужество ее подопечных. Это случалось не часто, потому что мусульмане предпочитали заключать браки со своими соотечественницами. Законно в Эмиратах можно было иметь до четырех жен, при условии достойного содержания каждой из них. Те, кто попадал «под крыло» богатого мужчины легально, могли рассчитывать на вполне приличную жизнь.

– У тебя есть два варианта, деточка, – произнесла Джамиля, нахмурив сросшиеся на переносице брови. – Либо ты примиришься с судьбой и будешь рвать с дерева, под которым оказалась по воле случая, самые сладкие плоды, либо питайся огрызками, как свинья! Я – не нянька, и моему терпенью есть предел!

Воспитательная беседа возымела должное действие, я задумалась о том чего себя лишаю. Вернуться домой у шестилетнего ребенка мало шансов, а значит, стоило прислушаться к словам опытной женщины. Я могла принять условия игры

и сбежать из плена, когда стану старше. Чтобы сократить этот путь, мне необходимо было знать местный язык и обычаи.

Я посмотрела карту в одной из комнат для занятий и поняла, что дорога обратно в Россию весьма длинна. Это стало еще одним аргументом, чтобы покориться судьбе и временно смириться со своим положением. «Пока я пленница, но это не навсегда!» – твердо решила я и кивнула. Мое смирение порадовало Джамилю. Она не была агрессором, пыталась быть для воспитанниц добрым советчиком и другом, а за любые провинности наказывала работой. Однажды я перебила кучу посуды, чтобы выразить недовольство, терпеливая женщина сдержано произнесла, что не желает вводить физическое наказание и штрафы за ущерб, поэтому настоятельно рекомендовала не ерепениться, и искупить свою вину трудом.

– Или я тебя продам бедуинам! Они любят светлокожих, и им будет плевать, сколько тебе лет! Последнее, что ты увидишь перед смертью, – чудовищную темную морду с гнилыми зубами!

На тот момент я не понимала, что речь идет о насилии, но то, что встречу с бедуинами мне не пережить, – это было очевидно.

Почти неделю я вымывала отхожее место. Меня не пугали запахи, ведь я выросла в бараке, окутанном едким зловонием из выгребной ямы. Однако висеть над дыркой, сквозь которую я наблюдала дерьмо в течение нескольких минут, не доставляло мне удовольствия.

– Что от меня требуется? – спросила я вкрадчиво, усевшись напротив Джамили. Пожилая женщина улыбнулась и предложила выпить травяного чая, заметив, что ее радует моя деловая хватка.

– Ты должна отказаться от прошлого, потому что оно – слишком тяжелый груз. Прошлое – то чего нет в данный момент, его не вернуть. Жить надо сиюминутно, иначе рассвет следующего дня обесценится!

Мои детские мозги были не готовы принять столь тонкие философские размышления, и поэтому я кивала, не вникая в смысл сказанного. Джамиля заметила мое замешательство и спокойно уточнила:

– О чем ты мечтаешь, деточка?

– Увидеть маму, – выдохнула я и захныкала.

– Ты меня не услышала, – в голосе собеседницы сквозила печаль. – И даже не попыталась вникнуть в смысл моих слов.

– Но я так по ней скучаю! Я могу надеяться, что когда-нибудь встречусь со своей семьей?

Дыхание мое на мгновение остановилось, а вместе с ним перестало стучать сердце, больше всего на свете я боялась услышать отрицательный ответ. Темные глаза женщины немного сузились, брови сдвинулись, превратившись в одну темную черточку, будто кто-то провел небрежно кистью по ее лбу, оставив след черной краски.

– Ты можешь надеяться на что угодно. Ты ведь знаешь, что надежда умирает последней? – со снисходительной улыбкой произнесла Джамиля и распорядилась, чтобы Малышка Бэтси привела в надлежащий вид дитя, в котором проснулся разум. Она что-то сказала на незнакомом мне языке, я предположила, что хозяйка меня хвалит, потому что после ее реплики служанка активно закивала, оголив от радости почти беззубый рот.

Седовласая сморщенная негритянка торопливо повела меня в комнату «преображений». По-русски она не говорила и указывала знаками, что мне делать. Сначала я рассталась со своей одеждой, в которой меня привезли из России. Это было старенькое желтое платьице в белый горох. У сестер были такие же, но других цветов – красного и светло-зеленого. Когда мы одновременно наряжались в эти платья, нас называли «светофор». Я вдруг вспомнила, как мы менялись одеждой, но мама запретила нам это делать, потому что отец и так путался, не различая нас, а разные цвета помогали ему ориентироваться среди тройняшек.

Когда меня везли в пустыню, то поверх моей одежды на меня натягивали длинное темное одеяние – чадру, она полностью меня прятала от посторонних глаз. Под этой плотной тряпкой было невероятно жарко. Меня постоянно поили жидкостью, похожей на остывший чай (полагаю успокоительное), после чего я передвигалась как улитка и плохо соображала. Еще на всякий случай

заклеивали рот.

Я почти не помню тот день, когда родители передали меня в руки покупателям… Заплаканное лицо матери, которая шептала «Прости меня, Скарлетт»… пачка денег в ее дрожащих руках… крепкие мужские руки, удерживающие мое барахтающееся тельце, словно тиски… еще старенький микроавтобус с затемненными стеклами…

От ужаса я потеряла сознание сразу, как только меня в него запихнули. До пустыни мы добирались долго на разных видах транспорта. Почти всю дорогу я была словно во сне, и мечтала о пробуждении, чтобы поскорее вернуться в нашу убогую квартирку и обнять своих родных, пожаловаться мамочке на странные видения, в которых она как будто бы меня продала…

Малышкой Бэтси женщину преклонного возраста прозвали еще первые воспитанницы Джамили за невысокий рост и субтильное телосложение. Если бы не морщинистость кожи и седой цвет волос, можно было бы предположить, что это подросток-африканец. Она была забавная, часто пела песни на «тарабарском» языке – так мы называли неведомые нам звуки. В комнате «преображений» девочек хорошенько отмывали в небольшом корыте, а после наголо стригли – это был своеобразный обряд очищения – отказ от прошлой жизни и перерождение. Малышка Бетси что-то нашептала и сожгла над моей головой зловонный пучок травы. После омовения старуха не спеша обтерла меня грубоватой тканью и громко воскликнула, глядя на дверь. Этот звук напоминал боевой клич какого-нибудь дикого племени.

Я вздрогнула и испуганно замерла в ожидании. В помещение, где кроме корыта и бочки с водой больше ничего не было, явилась Джамиля. Она выглядела очень сосредоточенной и призвала меня встать на маленький коврик, который словно по волшебству появился в руках Малышки Бэтси, и та бережно положила его на песчаный пол.

– Повторяй за мной, – скомандовала Джамиля. – Я отрекаюсь от прошлого во имя настоящего… Я клянусь именем Аллаха…

Я повторяла за ней все фразы, которые она произносила, будто заклинание. Больше всего меня смущали ни странные слова и ни мое обнаженное тело, а то, что на моей голове отсутствовали волосы. Я сразу вспомнила соседа Архипку,

живущего когда-то в соседнем бараке на первом этаже. Он не выходил из дома из-за какой-то жуткой болезни и часто сидел у окна. Он был лысый, и мои сестры его прозвали грибом. Мне было жалко его, потому что у него совсем не было друзей. Мы с ним общались жестами через окно, будто два глухонемых. Это было забавно, нас обоих очень веселил этот разговор. А потом Архип умер. Он был старше меня всего на пару лет. Родители нас потащили на похороны, чтобы покормить на поминках. В меня еда не лезла, потому что я никак не могла смириться с тем, что его заколотили в ящик и закопали.

– Зачем с ним это сделали? – спросила я маму.

– Он умер, Скарлетт. Это означает, что мы его никогда больше не увидим.

– Умер? – удивилась я.

После этого события, поразившего меня до глубины души, голова, лишенная волосяного покрова, была в моем представлении признаком скорой смерти. Как-то в продуктовом магазине я увидела лысого человека и завопила на весь магазин, что он скоро умрет. Мама, схватив нас с сестрами в охапку, пошла прочь, сгорая от стыда. А мужчина, услышав из очереди «Устами младенца глаголет истина», упал в обморок.

Поцеловав Коран после длинной клятвы, я получила новое имя – Айсу. Мне выдали новую чистую одежду – длинную светлую тунику, которую девочки прозвали распашонкой, шаровары и платок. С того момента я стала полноценной частью мира Джамили.

– Если нарушишь свою клятву, обречешь себя на несчастья! – строго произнесла хозяйка. – Вероломная клятва – страшный грех в исламе!

Я снова не поняла большей части слов, но кивнула в знак согласия, потому как устала от этого заунывного процесса, очень хотелось пить, есть и спать. Меня перевели в спальню с хорошими матрацами и чистым бельем. Изначально я спала в «предбаннике» – так называли место для сна вновь прибывших и тех, у кого не было шансов стать качественным и добротным «товаром» для арабских женихов. «Бракованных» девочек, у которых были травмы или физические недостатки, оставляли в качестве прислуги. Иногда их выдавали замуж за слуг людей, обращающихся к Джамиле.

Так устроила свою судьбу Ангел Оливия, у набожной красавицы было слабое здоровье и доброе сердце, эту приветливую девушку любили все и вспоминали о ней хорошими словами. Она простывала от нескольких глотков холодной воды и болела неделями. Джамиля сетовала, что много тратится на бесконечное лечение, но ничего не могла поделать. В списке достоинств ее девушек была не только покорность, но и отличное здоровье. Джамиля смирилась с тем, что Оливия станет ей обузой на много лет, однако произошло непредвиденное: в изолированную девушку влюбился водитель одного шейха, присматривающего себе среди здоровых воспитанниц невесту. Молодой пакистанец случайно заметил ее в окне и был сражен необычайной ангелоподобной внешностью, он попросил своего хозяина похлопотать за него перед свахой и оба покинули дом Джамили со спутницами.

Это была волшебная история, которой девушки восхищались. Но были и другие случаи – более печальные. В «предбаннике» жила златовласая красавица Нузар. Ей было почти пятнадцать, и шансов на то, что она покинет дом Джамили, у нее не было (помогая на кухне, она сильно повредила кожу на теле, опрокинув на себя горячее масло). Мне было искренне жаль ее, она постоянно плакала и стояла на коленях возле окна. Я подумала, что она просит Бога быть милостивым и послать ей жениха, как и Оливии. В первый день пребывания в доме Джамили я тоже истекала слезами, скучая по своей семье. Я искала поддержки и надеялась найти в лице Нузар подругу, но она взглянула на меня с таким презрением, словно я попросила ее о чем-то очень плохом. Я была удивлена столь леденящим приемом, и тогда начала общаться с другими девочками, продолжая наблюдать за рыжеволосой красавицей, которая постоянно молилась, прося небо о чем-то неведомом.

– Она желает, чтобы Господь забрал ее к себе, – доверительно произнесла шепелявая девчонка с миловидным восточным лицом. В ее темных глазах блестели смешинки, будто эта ситуация веселила ее.

– Почему она хочет умереть? – удивилась я, разглядывая блестящие медные волосы коленопреклоненной Нузар.

– У нее была мечта, и после того, что с ней произошло, она потеряла надежду. Теперь у нее нет никаких шансов стать женой самого богатого шейха! – с притворно печальным вздохом констатировала любительница посплетничать. – Как впрочем, и у меня!

– А что с тобой не так? – удивилась я, разглядывая здоровую миловидную азиатку.

– Ты слышишь, как я говорю? Кто захочет такую жену? – сетовала девочка, вздохнув. – Однажды я случайно прикусила язык и теперь мне можно рассчитывать разве что на чудо!

– Или на глухого мужа! – выкрикнул кто-то из второго ряда (матрацы располагались в несколько линий прямо на песчаном полу, что было не очень удобно).

– И поделом тебе! – грубо выплюнула темнокожая девочка, лежащая по соседству со мной. Она приподнялась на локте и сердито уставилась на азиатку. Я была удивлена, что большегубая воспитанница с черными волосами, похожими на скрученную проволоку, так хорошо говорит по-русски. Судьба ее была непростой: она родилась в крошечном поселке на севере России, где представителей негроидной расы видели разве что по телевизору.

Появление подобного ребенка шокировало и врачей, и саму роженицу. Муж ушел из семьи, не желая воспитывать «головешку» и отказываясь принимать во внимание доводы о наследственности. Уставшей от пересудов женщине пришлось бежать от пересудов из родного края, в котором она родилась и выросла, с младенцем на руках не похожим ни на нее, ни на супруга. Она продала свою дочь и начала новую жизнь, изменив имя. Эту историю мне поведала шепелявая всезнайка, которая знала все и про всех. Ее не любили остальные девочки за болтливость и за то, что она сует свой нос в дела, которые ее не касаются.

– Язык прикусывают те, кто много говорит не по делу! – строго произнесла темнокожая девушка и, повернувшись в сторону молящейся Нузар, тихо добавила: – А красоты лишают тех, кто горделив!

Мне стало не по себе от концентрации злости и зависти в маленьком помещении, где царствовали два основных эмоциональных состояния: ненависть и равнодушие. Чтобы хоть как-то отвлекаться, я не без удовольствия слушала побасенки шепелявой приятельницы. Она поведала мне, что до того, как покалечиться, Нузар вела себя так, словно была особенной, она легко могла обидеть или оскорбить других воспитанниц. Лишь перед Джамилей

рыжеволосая девушка заискивала, но та чувствовала фальшь и не поддавалась чарам льстивой красавицы. Когда случилось несчастье, никто не удивился этому происшествию, все были уверены: кара была заслуженной.

– Что посеешь, то и пожнешь! – подвела итог болтушка.

Мне понравилась эта фраза. Я решила взять ее за правило.

Глава 3

Жозефина без Наполеона

Королева Марго была снисходительна и все же дала мне адрес и телефон нашей сестры Жозефины. Дозвониться не получилось, поэтому я отправилась к ней наобум без предупреждения. Она жила в соседнем городке, находившемся в нескольких часах езды на рейсовом автобусе. Он был еще меньше, чем областной центр, в котором я родилась. Я хотела взять машину и добраться в более комфортных условиях, но посмотрев на лица шоферов, предлагающих свои услуги, решила свести риск к минимуму и отправиться на общественном транспорте, значительно сэкономив на поездке. Рядом со мной сидела милая старушка, с которой я с удовольствием болтала. Она каждые выходные ездила торговать свежими молочными продуктами на рынок из деревеньки.

– Сегодня плохой день был, половину везу обратно, – произнесла пожилая женщина, заметно расстроившись.

– Я бы купила у вас остатки! – поспешно откликнулась я, желая помочь доброму человеку почтенного возраста. Она сначала обрадовалась, но вмиг ее настроение переменилось. Бабушка поправила платок и вязаную кофту темно-зеленого цвета и недовольно ответила, что не терпит жалости и подачек.

– Я не предлагаю вам деньги просто так! – в моем голосе сквозила легкая обида. – Я еду к своей сестре, с которой не виделась много лет. Я так поспешила, что совсем ничего не купила к столу, как это принято в России.

– У нас принято накрывать стол, когда гость входит в дом! – высказала женщина и не доверчиво осмотрела меня с головы до ног. На мне были джинсы и рубашка хороших брендов, но не броские.

– Я давно не живу здесь, потому что пришлось уехать, когда я была ребенком. И мне просто хотелось… это неважно, – прошептала я отвернувшись к окну. Старушка сжалилась и все-таки продала мне сыр, творог, немного зелени и банку соленых огурцов. Она назвала сумму, значительно отличающуюся от цен в магазинах. Я сделала вид, что не заметила лукавый отблеск в ее глазах. Примерно так же на меня смотрели таксисты, распознав, что я не местная, и называя космические цены за поездку.

Я долго искала нужный адрес. Все, кто попадался на пути, либо отмахивались, говоря, что впервые слышат об улице Липовой, либо шарахались, вытаращив глаза (как я полагаю, принимая меня за мою сестру). Я прошагала за пятнадцать минут всю центральную улицу Ленина и остановилась перед полем – дальше идти было некуда. Городишко был крошечный. Обветшалые постройки грустили без ремонта, дома не превышали пяти этажей. Глаз радовала зелень, в которой утопали улицы и небольшое количество машин. Казалось, здесь жизнь замерла, и я не могла понять, нравится мне это или нет.

Меня кто-то окликнул:

– Эй, ты куда намылилась?!

Я обернулась и увидела перед собой молодого мужчину, который был нетрезв.

– Чего ты так смотришь-то? – пробубнил он, с подозрением рассматривая мою одежду. Я улыбнулась, понимая, что этот человек принял меня за Жози, и предложила пойти домой. В руках у меня была тяжеленная клетчатая сумка, которую мне любезно пожаловала алчная старушка, но потрепанный небритый «джентльмен» не удосужился взять ее из моих затекших пальцев. Я плелась за слегка пошатывающимся человеком в поношенной запыленной одежде и пыталась представить жизнь сестры: несколько детей, работа копеечная, пустой холодильник и пьяница-муж – узнаваемая картинка среднестатистической семьи в российской глубинке. Мужчина казался помладше, но неравными браками сегодня никого не удивишь. Мы прошмыгнули через дыру в заборе, затем пересекли заросли – что-то наподобие парка, но сильно запущенного и

загаженного человеческими испражнениями, окурками, битым стеклом. Спустя несколько минут мы оказались на окраине города – перед двухэтажным домом, напоминающим барак моего детства. Он стоял на отшибе, словно был изгнан или наказан, стены его были сильно обрушены, как после бомбежки, кое-где отвалилось глиняное покрытие, и видна была дранка, один угол здания сильно «провисал».

В подъезде пахло мочой и сыростью. Отсутствие двери не спасало, тошнотворный запах въелся в сыплющиеся стены и подгнившие доски пола. Было ощущение, что дом устал не только снаружи, но и изнутри.

Мы поднялись по деревянной лестнице на второй этаж. Мой проводник дернул дверь и, увидев на пороге Жозефину, громко вскрикнул, выронив старый шуршащий пакет из рук. Его внимание тут же переключилось на звон стекла – содержимое разбилось. Когда он наклонился, мы с сестрой уставились друг на друга.

– Марга? – неуверенно выдавила она, выпучив глаза.

Я отрицательно покачала головой. По щекам покатились обжигающие слезы. Мы стояли еще с минуту под тихое ворчание мужчины, причитающего над разбитой бутылкой, теперь к запаху мочи и сырости примешался еще аромат некачественного спиртного.

– Скарлетт! – выдохнула сестра и уселась на пол, горько зарыдав, словно перед ней был призрак.

Тут опомнился молодой человек, со страхом повернулся ко мне и, несколько раз перекрестившись, произнес «чур меня!». Мы с Жози засмеялись, глядя на него.

– Ты ему не рассказала о сестрах? – спросила я, наблюдая, как удивленно он смотрит то на меня, то на Жозефину, периодически потирая глаза.

– Не было надобности! – смеясь, произнесла моя сестра и обратилась к мужчине: – Слышь, Мишка, сестра это моя! Не очкуй, не крейзонулся ты пока и я не раздвоилась!

Он недоверчиво посмотрел на меня и, оттолкнув Жози, прошел в квартиру, тихо ворча, словно старичок.

– Ты если пожить, то это… негде у нас, – виновато произнесла родственница, глядя на мою внушительную сумку.

– Нет, не беспокойся! – опомнилась я, после кратковременного ступора и, посмотрев на сумку с продовольствием, пробубнила: – Это… слово забыла… не подарок… не презент… гостинцы!

Жозефина, обрадовавшись как ребенок, бросилась к сумке и заботливо высвободила ее из моих рук.

– Тяжеленькая, – прокомментировала она, внося ее в квартиру. Я последовала за ней. В доме было мрачно. Посреди комнаты стоял стол, захламленный грязной посудой и пустыми бутылками. Из мебели был еще старинный шкаф и разобранный диван с несвежим бельем, а также просиженное кресло. По углам болталась паутина. Комнату тускло освещала лампочка, болтающаяся на проводе, и выглядело это так убого, что у меня навернулись слезы. Пока я осматривалась, Жозефина ковырялась в сумке с продуктами.

– О, огурчики! Прекрасный закусон, и рассольник сгодится. А это чего? Сыр? Вкусняшка! Лучок и… творог… А выпить ничо не взяла? – раздосадовано спросила она. Казалось, что продукты моментально обесценились для нее без выпивки.

Зашумел смыв воды в туалете, и через мгновение в комнате появился молодой человек. Он все еще смотрел на меня с недоверием, видимо его настораживала наша с Жозефиной похожесть. Я почему-то вспомнила, как алкоголь периодически сводил с ума отца. Он и трезвый-то путал наши имена, а когда напивался, то мы для него все были на одно лицо.

– Что это за карусель? – кричал отец, рассматривая нас поочередно. – Прекратите мучить меня!

Мы стояли по стойке смирно, вытянувшись, как солдаты. Он начинал кричать, что люди с одинаковыми лицами – это происки дьявола. Однажды он взял нож, желая вырезать нам на лбу начальные буквы имен, чтобы больше не путаться.

Ближе всех к нему стояла Жозефина – с нее он и решил начать.

– Папочка, миленький, родненький, не надо! – взмолилась Жози, повиснув на его руке, но в затуманенном алкогольными парами мозге не было места жалости, он казалось, не слышал ее, а у нее не хватало сил вырваться… Нам было всего по пять лет!

Я запомнила тот вечер и то, как билось мое сердце, сотрясая все тело. Я зажмурилась, когда острие ножа блеснуло над гладким лобиком сестры. Она громко закричала, и тут вихрем на кухню влетела мать и тут же высвободила дочь из лап чудовища. Я внимательно присмотрелась к припухшему лицу сестры, маленький шрам на лбу сестры – память о том зловещем вечере – был немного заметен.

– Мишаня, познакомься, – вяло мямлила она, – Это моя сестра…

– Айсу! – перебила я Жози, представившись своим новым именем, и протянула ему руку. Он помешкал, но потом все же пожал ее. На лице моей родственницы читалось недоумение, она поправила замызганный халат и удивленно уставилась на меня, и мне нужно было что-то ответить, чтобы избавиться от неловкой паузы:

– Мне поменяли имя еще в детстве. И вот уже двадцать лет называют Айсу. Я привыкла!

– Моя сестра… уезжала, – пояснила она Михаилу и после обратилась ко мне: – В… другую страну?..

– На другую планету, – отозвалась я с грустью. И хотя на данный момент мне жаловаться было не на что, я все же оглядывалась назад с печалью. Жозефина заметила мелькнувшую на моем лице грусть, но задавать вопросы не осмелилась. Я была ей благодарна за невмешательство и вялый интерес к подробностям моей непростой жизни. Она вытаращила глаза на молодого человека и растеряно развела руками, произнеся:

– Мишаня, так у нас даже нечем отметить приезд Алсу!

– Айсу, – поправила я ее. – Через «й».

– Нуда… я и говорю! В общем, ничего не знаю: где хочешь, там и доставай бухло! – произнесла она строго, пригрозив ему кулаком.

– Так я-то не виноват! Она притворилась тобой и пошла за мной! Сказала бы, что она – не ты, и я бы не выронил пакет! А теперь я – крайний! Легко обвинить невиновного! – замямлил он.

Мне наконец-то удалось рассмотреть его лицо: ему было чуть за двадцать, а может и того меньше, если побрить и умыть. Пока я размышляла о характере их взаимоотношений, они чуть не разодрались. Жозефина ухватила его за грудки и сотрясала, хотя была значительно меньше ростом, а она скулил, как щенок, что бутылка разбита не по его вине.

– Неужели так необходимо пить? – воскликнула я, оттащив сестру.

– А как по-другому?! Это обычай такой! Пришел гость – чарки наполняй! Древнерусский обычай! Сестренка, есть взаймы рублей двести? – виновато произнесла радушная хозяйка. Я поспешно полезла в сумку, висящую на плече, достала кошелек, из которого вытащила тысячу рублей, случайно заметив слишком любопытный взгляд Жози, пытающейся оценить, сколько у меня наличности.

– Я вижу твои дела пошли в гору, Скарлетт! То есть Айсу! Деньжата водятся. Это хорошо… Теперь без них никуда. Есть они – все пути-дорожки открыты перед тобой. Нет их – хоть помирай! Тебе хорошо, наверное, платят!

– Не жалуюсь, – выдавила я с улыбкой, смутившись.

– Что ж, Мишаня, беги в магазин! Возьми три бутылки нормальной водки! – объявила Жозефина, протянув ему зеленую бумажку.

– А закусь? Жрать хочу! – произнес молодой человек, шмыгнув носом.

– Жратвы – завались! Сестра принесла, позаботилась! На неделю хватит, – кивнула хозяйка квартиры на сумку.

– Я пельменей хочу, – бубнил он, рассматривая тысячу. Михаил напоминал рослого ребенка, скромно выпрашивающего у матери дорогую покупку. Я поспешно достала еще тысячу и протянула ему, предложив купить пельмени, колбасы и все, что он захочет, но Жози перехватила купюру и убрала в карман своего заношенного халата, при этом строго сказала:

– Ты его балуешь, сестра!

Молодой человек густо покраснел и развернулся к выходу, но Жозефина остановила ее:

– Миша, ты это… купи себе пельменей. Только варить будешь сам. Идет?

Он обрадовался и почти вприпрыжку направился в магазин. Я была в замешательстве. Хозяйка дома сгребла скатерть вместе со всем содержимым и потащила этот гремящий мешок на кухню. До меня донесся шум воды и лязганье посуды – видимо она ее мыла. Жозефина вернулась довольно быстро и поставила на голую столешницу с облупившейся лакировкой три плохо промытых стакана и вилки.

– Хлеб забыла, – воскликнула сестра и бросилась к окну, заорав: – Мишаня, хлеба купи, слышишь?!

Какое-то время она смотрела в окно, потом повернулась ко мне и предложила присесть. Я расположилась на ближайшем к столу стуле, а она выгрузила продукты на центр стола. Закончив, Жози уселась напротив – через стол, словно опасалась быть ближе. Она молчала несколько минут, пристально рассматривая меня.

– Маргу видела, наверное, – предположила она. – Иначе откуда тебе взять мой адрес…

Я кивнула.

– Мы с ней раздружились.

– Почему? – спросила я, мысленно обвиняя нашу «королеву», потому что была уверена, что инициатором разрыва была именно она.

– Маргарита тебе не рассказала? – удивилась Жози, и когда я отрицательно покачала головой, как будто обрадовалась, добавив: – Ну, я ведь ушла из дома, а она осталась с отцом совсем одна! Он был лежачий – отморозил ноги по пьянке, и ему их отрезали. Орал с утра до ночи, огрызался и командовал, будто мы его прислуга. Я познакомилась с одним пареньком, и он меня забрал к себе. Марга до сих пор не может мне простить, что я ее оставила с ним…

Я заметила, что при воспоминании об отце у Жозефины затряслись руки. Она торопливо дотронулась до еле заметного памятного шрама на лбу, и сделала глубокий вдох, с трудом сдерживая слезы.

– Да где же Мишка с водкой? – зло рыкнула она, ударив по столешнице. Я поймала ее руки и понимающе сжала. Мне хотелось обнять ее, но интуиция подсказывала, что этого делать не стоит.

– Как умерла мама? – взволновано спросила я.

– Эта выдра тебе не рассказала? Вот ведь какая… Мама умирала жутко! Почти все деньги, которые дали за тебя, потратили на ее лечение, остальное пропил отец, – нехотя говорила Жозефина, высвобождая свои руки. Я поинтересовалась, чем она болела и получила краткий ответ:

– Рак!

Я вдруг почувствовала щемящую боль в груди, словно внутри меня была вязальная спица, которую вдруг кто-то начал шевелить. То была моя обида, которую я носила много лет. Я не могла простить матери того, что она от меня избавилась. Я засыпала и просыпалась с ее прощальным шепотом.

Меня мучил еще один вопрос, который я не решалась задать задумчивой Жози.

– Спрашивай! – произнесла она, будто прочитав мои мысли.

– Как оправдали мое исчезновение? Неужели меня не искала милиция?

– Шутишь? Серые мундиры от нас не вылазили! Кстати, теперь их называют полицейские… А по мне, как были мусором, так и остались! – усмехнулась Жозефина. – Тебя искали всем городом! Ты была знаменитостью, и портреты твои висели везде! Смешно, но нас сестрой притаскивали поочередно с улицы, выдавая за тебя, и требовали у родителей вознаграждение! А через несколько месяцев все утихло. Мама рыдала, и было ощущение, что она действительно поверила в то, что ты пропала, а перед тем, как умереть, она проклинала себя за то, что сделала. Собственно, тогда мы и узнали правду о том, что тебя продали. Так что, спасибо, тебе, Скарлетт, некоторое время мы пожили кучеряво: вкусно питались – к нам приходили сочувствующие люди и приносили авоськи с продуктами, игрушки и одежду. Было здорово, но до того момента, пока мать не начала перебираться поближе к аду!

Дверь хлопнула, и появился Миша, лицо его сияло от радости. Он выставил на стол две литровые бутылки водки и поспешил на кухню варить себе пельмени.

– Молодец, взял два литра! – одобрила Жози, и добавила тихо: – Не глупый ведь парень!

Сестра поспешно разлила по стаканам водку и предложила выпить. Я отказалась, сославшись на плохое самочувствие.

– Зря, – произнесла она неодобрительно и поспешно осушила стакан, после чего произнесла сдавленным голосом: – Вообще, некрасиво отказываться. Я, как сестра, тебя, конечно, пойму… Но выходит ты вроде как брезгуешь нашими хлебом-солью!

Я думала несколько мгновений и решительно взялась за стакан.

– Вот, теперь разговор склеится! – обрадовалась Жозефина, торопливо наливая себе еще водки. Мы «чокнулись» посудой, и я влила в себя жгучую жидкость, которая на вкус казалось, была, как кислота. Я чуть не задохнулась от шока, сестра прокричала, чтобы Михаил принес открывалку, и через несколько мгновений она запихала мне в рот, хрустящий соленый огурец. Отдышавшись, я вытерла слезы.

– Горе ты мое, луковое! – голос ее стал мягче.

– Ты говоришь, как мама, – улыбнулась я с грустью, вспоминая, как во время простуды заботливая родительница подтыкала мне одеяло и, проверив температуру, со вздохом произносила эту же фразу. Затем начинался процесс лечения и повышенного внимания. Мы с сестрами любили болеть. В это время она чаще была дома, и отец вел себя спокойнее. Даже ели снег зимой, чтобы захворать…

– Ну, расскажи, как и где ты жила? Куда тебя в итоге увезли?

– В пустыню, – выдохнула я, почувствовав, как тепло разливается по моему организму.

– И чего ты там делала? – уточнила Жози, пережевывая огурец нецелыми зубами.

– Училась жить заново! – отозвалась я, вспомнив будни в доме Джамили.

Глава 4

Не суди книжку по обложке

Мое интенсивное обучение началось на следующий день после «перерождения». Мне пришлось подняться на рассвете, чтобы Джамиля могла провести со мной первое занятие арабским языком. Была преподающая учительница, но она не говорила по-русски, поэтому хозяйка школы для будущих невест первые занятия вела сама, а затем перепоручала их вести кому-нибудь из старших воспитанниц.

Изучение алфавита и письма мне давались легко, потому что я не умела ни читать, ни писать на родном языке. Самая умная из нас троих была Марга, раздобыв где-то букварь, она сосредоточилась на самообразовании и с радостью постигала буквы, к шести годам сестра могла читать по слогам и писать печатными буквами. Нас с Жози она называла балбесками и пыталась вовлечь в процесс постижения великого и могучего русского языка, но все, что мы выучили, – это слова «мама» и «папа», как пишутся наши слишком сложные имена мы освоить так и не смогли.

– В школе всему научат! – защищала мама за ужином меня и Жозефину, когда умная «королева» жаловалась на наши неуспехи.

Джамиля обрадовалась, узнав, что я – неуч. «Без засора русской грамматикой легче осваивать арабский!» – говорила она. Я быстро подружилась с двадцатью восемью буквами алфавита и закорючками, напоминающими узоры. Но мыслить на другом языке я не могла, и это стало настоящей проблемой в моем обучении. Я ходила на общие занятия по танцам, рукоделию и ежедневное чтение Корана. Также в общих чертах нам преподавали историю Объединенных Арабских Эмиратов и близлежащих земель. Так как я не говорила по-арабски, то и почти ничего не понимала. Однако постепенно я начала разбираться в чужеродной речи, вникать в происходящее и даже получала от уроков удовольствие.

В доме жили примерно тридцать воспитанниц разных возрастов. Все были русскоговорящие и преимущественно славянской внешности, что было экзотикой для Эмиратов. Светловолосых девушек арабы ценили и многие желали заполучить их. Наша машатэ, как называли Джамилю (другими словами – сватья), специализировалась по «Белоснежкам» и выращивала изящные и неприхотливые «комнатные растения» для состоятельных эмиратских домов, но также она приобретала и брюнеток, из них в основном готовили обслугу (те девочки, что все время жили в «предбаннике»).

На берегу Оманского залива был специальный рынок, на который привозили детей со всех уголков света. Как я узнала позже, их закупали не только с целью вырастить приличную невесту, часть попадала и в сексуальное рабство. Ужасней всего было то, что детей закупали для медицины – использовали в экспериментах или пускали на органы. Естественно этот бизнес был нелегальный, и закупки «живого товара» были секретными.

Чтобы не было фантазий о побеге Джамиля провела со мной беседу еще в день нашего знакомства, сообщив, что дом, в котором я должна буду жить в ближайшие несколько лет, стоит прямо посреди пустыни, а если все же мне придет в голову идея его покинуть, то необходимо запомнить: в округе нет других поселений. Если я решусь уйти в пустыню, то должна знать свои перспективы: к примеру, смерть от жажды, ведь среди песков трудно найти оазис с водой, или от укуса какой-нибудь ядовитой твари. Еще вариант – попасть в плен к бедуинам, где жизнь моя будет омрачена прискорбными событиями и насилием.

Джамиля поведала печальную историю о бежавшей девице, которую нашли пару месяцев спустя. То, что осталось после «внимания» изголодавшихся по женской ласке песчаных жителей, доклевывали стервятники.

– А ведь она могла стать женой шейха! – подвела итог рассказчица со вздохом.

Я решила, что в моих интересах стать послушной девочкой и прилежной ученицей.

– У тебя есть все шансы стать главным украшением гарема состоятельного человека! – произнесла довольная моим решением Джамиля. – Твоя жизнь может стать сказкой в роскошном замке, но для начала ты должна превратиться в принцессу.

В восемь лет мои волосы начали темнеть, и этот факт омрачил надежды Джамили.

– Дешевеешь на глазах, – произнесла она с прискорбием. – Надеюсь, кровь из тебя польется раньше того, как ты станешь цвета пепла, чтобы я могла тебя пристроить и взять хороший залог.

– Мы можем осветлить их, – бодро воскликнула я, стараясь посодействовать.

– Ты будешь выглядеть как маленькая… продажная женщина, если мы испортим твои здоровые волосы химией! – недовольно бурчала она, прочесывая их пальцами руки, после чего заплела мне косу. Мы сидели во дворе нашего домика. Там было нечто вроде веранды для отдыха и бесед. Джамиля часто собирала группы воспитанниц, чтобы сделать какие-нибудь важные объявления. Например, о том, что гнездо покинул еще один оперившийся птенец – так она называла удачное завершение сделки.

– Наша соседка осветляла волосы ромашкой, – затараторила я, радуясь пристальному вниманию Джамили, которая в последнее время ко мне благоволила и даже освобождала от тяжелых работ.

– Ромашкой? – удивилась она. – И что ты с ней собираешься делать? Вплетать ее лепестки в волосы?

Я рассказала ей историю о соседке, которая платила нам с сестрами деньги за то, что мы собирали для нее цветы. Она их высушивала на своем подоконнике, а затем заваривала и использовала этой настой в разных целях: промывала им волосы и морозила кубики, для того чтобы протирать ими кожу. Я любила наблюдать, как она ухаживает за собой, этот процесс завораживал. Наша мама этого не делала, она сматывала седеющие волосы в жгут и изредка смазывала кожу лица подсолнечным маслом.

– Придумай мне имя такое же необычное, как у тебя! – предложила однажды соседка, встряхнув красивой золотистой шевелюрой. Я не растерлась и нарекла ее Ассоль – в честь девушки, ждущей своего суженного на берегу моря.

– Ассоль? Как наивно, но в этом что-то есть! Надеюсь, ты накаркаешь мне, дорогуша, красавчика Роя на алом кадиллаке!

– Грея, – поправила я соседку и та, отмахнувшись, произнесла: – Да пусть хоть горшком кличут, лишь бы был при деньгах.

Своего Грея, а точнее Гриню, она все же встретила. У него не было кадиллака, но он был весьма проворным малым. Молодой человек приехал из Украины и заселился к своей Ассоль на второй день после знакомства. Он приторговывал наркотиками и поэтому в нашем подъезде все время ошивались «сомнительные личности», как называла их мама, она мне запретила навещать слишком взрослую подругу, приговаривая: «Еще и тебя, не дай Бог, на иглу посадят!». Меня рассмешила эта фраза, потому что в моем детском воображении никак не складывалась подобная картинка. «И как можно умудриться сесть на нее?» – задавалась я вопросом, разглядывая иголку для шитья. Я встретила соседку за несколько дней до того, как меня продали. Она выглядела очень плохо и была в синяках.

– Что ж ты, сучка, так напортачила? – произнесла надломленная женщина со слезами. – Говно – твоя сказка про Ассоль и плохо заканчивается…

Я долго смотрела ей в спину, понимая, что больше никогда ее не увижу. Ее нашли мертвой с перерезанным горлом прямо в выгребной яме, а Гриня сбежал, устроив в ее квартире поджог. Наш отец возвращался с работы и заметил дым. Если бы не он, то барак с восьмью квартирами, забитый людьми, за короткое время сгорел бы дотла. Потушили огонь своими силами, а пожарные приехали

пару часов спустя.

– Где же я возьму ромашку в пустыне?! – усмехнулась Джамиля, выслушав мой рецепт. – Ладно, на все воля Аллаха! И каждый получает по заслугам!

Для мужчин, приезжающих на переговоры и смотрины были отдельные апартаменты – небольшой домик с красивой мебелью. Именно там машатэ совершала сделки и демонстрировала тех, кто уже достиг половой зрелости (имеется в виду менструальный цикл), поэтому с потенциальными женихами воспитанниц знакомили с разного возраста. Кто-то из девочек посещал тот домик уже в двенадцать лет, а кому-то приходилось ждать еще несколько лет. Но в дом мужчин девочки отправлялись не раньше шестнадцать лет независимо от того, во сколько они созрели, и после тщательной подготовки к сексуальной жизни – это было золотое правило Джамили.

Я старалась ни с кем не сближаться, потому что боялась привязаться к другим воспитанницам, а шанс на то, что мы еще когда-нибудь встретимся, покинув «дом невест», – один на миллион. Мне хватало незаживающих ран от расставания с семьей. Зато я была излишне общительна и задавала много вопросов, чем многих раздражала.

У нас были ежедневные обязанности по уходу за собой и за помещением, которое стало нашим домом. Стирка, уборка и готовка – основной круг забот воспитанниц. Джамиля ежедневно распределяла, кто и чем будет заниматься. В один из дней меня направили на кухню в помощь Риме. Эта женщина работала со дня основания кузницы кадров для гаремов. Была резка и неприветлива, не терпела учениц (многие считали, что за их красоту) и поэтому часто говорила гадости, не испытывая угрызений совести по поводу того, что обижала девочек и даже доводила до слез. За глаза ее называли «свиное рыло», потому что, глядя на ее лицо, действительно можно было предположить, что в ее родне были парнокопытные: нос ее смахивал на поросячий пятак, карие глаза на круглом лице напоминали две пуговки, а когда Рима смеялась, то издавала тихие похрюкивания. Ее любимым занятием было разочаровывать воспитанниц в перспективах, которые так радужно обрисовывала Джамиля.

– Она будет болтать, а ты ее не слушай, – прошептала мне в ухо одна из девочек, когда объявили, что моя миссия – помощь на кухне. Я благодарно кивнула. После пребывания в компании поварихи многие отказывались идти туда повторно. Я же, воспользовавшись добрым советом, не обращала внимания на ее колкости и

скабрезности, пропуская их «мимо ушей». Мне даже понравилось находиться на кухне, потому что всегда можно было урвать кусочек чего-нибудь вкусного. Особенно в дни, когда ждали гостей. Поэтому на удивление других, когда Джамиля на всеобщем сборе произносила заветное слово «кухня», я изъявила желание отправиться в логово грозной периодически хрюкающей женщины. Хозяйка дома невест не возражала, произнеся: «инициатива наказуема!», а в толпе воспитанниц послышались вздохи облегчения.

– Скорее, вы поцелуете свой зад, чем встретитесь снова! – выплевывала вместе со слюной грубая повариха по имени Римма, когда услышала, как под распахнутым окном кухни две девочки-подружки клянутся, что после того, как их отдадут замуж, они сделают все, чтобы снова встретиться.

– Ты злая! – воскликнула одна из них. Римма пригрозилась облить ее горячим маслом и оставить навсегда в доме Джамили.

– Сегодня приедет мужчина, – зевая, произнесла Римма, завидев меня на пороге. – Знаешь, что это значит?

– Что кого-то выдадут замуж? – неуверенно уточнила я, чем насмешила повариху до слез. Она так громко хрюкала, что мне казалось, будто я нахожусь возле свинарника, только вокруг пахло не навозом, а вкусными блюдами.

– Это значит, что у нас с тобой забот полон рот! – произнесла она строго. – Шевелись, лентяйка! Работа сама не сделается!

Я в основном мыла посуду и исполняла мелкие поручения: что-нибудь подносила или перемешивала. Готовила Римма очень вкусно даже в обычные дни, и я, не удержавшись, озвучила свои мысли.

– Не подлизывайся, соплячка! Не люблю я этого! – отозвалась она, на ходу спеша к духовке, чтобы проведать свое фирменное блюдо – пирог с финиками.

– Я говорю честно! – произнесла я обиженно. Мне не понравилось, что Рима меня обозвала за искренний комплимент. Мои глаза быстро намокли, и я изо всех сил пыталась не зарыдать на утеху жестокой женщине. Ей вдруг стало стыдно, она достала из настенного шкафа восточную сладость, политую глазурью и украшенную маленькой съедобной розочкой, и протянула ее мне, решив

подсластить мою обиду. Я уставилась на кондитерское чудо, напоминающее маленькую шкатулочку.

– Возьми! Еще пересолишь мне еду своими слезами! – произнесла Римма, как мне показалось, с нотками сожаления.

Маленькое пирожное было такое красивое, что я не могла решиться его съесть.

– Потом еще дам попробовать рахат-лукум, – пообещала повариха, наблюдая, как я лакомлюсь ее творением. – Ты только не болтай, поняла?

Я кивнула. Мне она больше не казалась свиным рылом. Это не означало, что я очаровалось злобной поварихой, просто поняла, что не стоит судить книжку по обложке. Мне пригодился один из уроков Джамили, на котором она призывала научиться видеть душу человека.

– А как ее увидишь? – спросила я заворожено. В учебной комнате захихикали, но я не обращала внимания на ехидные перешептывания, а хозяйка дома невест ответила на мой вопрос:

– Душа отражается в глазах, Айсу! Внимательно смотри на собеседника, и ты все поймешь.

Судя по глазам грубоватой Риммы, у нее была симпатичная, но раненная душа.

Глава 5

Дают – бери, не дают – отбери!

Я с трудом подняла веки. Голова жутко болела и меня тошнило. Я лежала на диване в квартире сестры, она по-прежнему сидела за столом, будто и не ложилась спать, хотя я отчетливо помню, как мы вместе рыдали в кромешной темноте, крепко обнявшись, и просили другу друга прощения за все. Вдруг я заметила в ее руках мой кошелек.

– Да говорю тебе, не достаточно прийти с ее паспортом и картой! – раздраженно произнес Миша, стоящий возле нее словно часовой.

– Но мы с ней на одно лицо! – упорно твердила Жозефина. – Приду в банк и скажу: здрасьте, я Айсу! Вот мой паспорт и карта. Дайте денег!

– Там надо знать пин-код. И тогда можно снять бабло, – разражался молодой человек. Голос его срывался на верхних нотах, словно он был подростком.

– Вы не сможете снять деньги. Счет открыт в Эмиратах и надежно защищен, – выдавила я приподнимаясь. Жози спрятала кошелек и, отмахнувшись, произнесла:

– А мы тут с Мишкой болтаем о всякой ерунде! Ты не обращай внимания! Фантазии на тему, как говорится! Выпьешь? – весело произнесла сестра, подняв бокал. Я тут же почувствовала приступ тошноты, поспешно встала и покинула комнату, разыскивая туалет. Вернулась я спустя полчаса, выпотрошенная и уставшая. Было ощущение, что в грязный унитаз я выплюнула все свои внутренности.

– От похмелья лучше всего сто граммов! – весело заметила Жози, настроение и самочувствие у нее были отличные. – Зря ты отказываешься. Мой Васька меня приучил «лечиться» по утрам. Он любил говорить: тяпни стопарик и наслаждайся снова жизнью, бухарик!

Я поморщилась и отрицательно покачала головой, подумав, что не прикоснусь больше к алкоголю до конца жизни. На Васю сестра ссылалась часто и восхищенно цитировала различные глупости, словно он был непросто ее бывший сожитель, отбывающий пожизненный срок за убийство многодетной семьи, в дом которой он залез с целью наживы, а мудрец, изрекающий перлы.

Именно этот «рыцарь» «спас» ее, увезя из родительского дома. Жозефина заняла его «апартаменты» и, не смотря на то, что он далеко, чувствовала, что этот человек думает о ней. В ее представлении это было романтично. Мне было непонятно ее восхищение преступником, лишившим жизни несколько людей, но свое мнение я предпочла оставить при себе. О своей жизни я рассказывала немного, да ей собственно и не было интересно. Когда я начала рассказывать о том, как сложилась моя судьба после похищения, она начала зевать и

отвлекаться на паутину, приговаривая, что пора заняться генеральной уборкой. Ее отчуждение меня коробило, но я старалась не злиться на сестру. Она права: кому интересны чужие проблемы и заботы? И тут же вспомнила уроки Джамили, бесконечно твердившей, что прошлое – это груз, важно жить настоящим. Для меня было ново, что водка делает людей столь болтливыми, и если бы мои повествования не наводили скуку на сестру, я наверняка бы поведала ей, что являюсь супругой одного из богатейших людей на планете. Хотя не факт, что она бы мне поверила. Я не демонстрировала свое благосостояние и совсем не выглядела, как жена шейха. Я не искала счастья в деньгах и была равнодушна к дорогим подаркам, которые мой господин покупал мне ежедневно. Казалось, что украшения он любит больше чем я…

– Что же мне делать со всем этим богатством? – смеялась я. На людях было принято носить абайю, закрывающую все тело, а какой смысл носить дорогой ошейник дома? Я не умела их любить, потому что не чувствовала необходимости в них. Иногда, чтобы порадовать дарителя я украшала себя изящными безделушками. За несколько лет совместного проживания я скопила огромную коллекцию драгоценностей, которые поместили в специальную комнату.

– Ты знаешь, что если оставить одну из таких вещиц в моем гареме и предложить забрать ее самой красивой, то к утру будут горы трупов! – смеясь, произнес мой мужчина, удивляясь моему равнодушию к блестящим вещам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (http://www.litres.ru/amani-uisaal/prodannaya-v-rabstvo/?lfrom=201227127) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Купить: https://tellnovel.com/ru/amani-uisaal/prodannaya-v-rabstvo-kupit

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить